

17. Сомов О. М. Были и небылицы / О. Л. Сомов ; сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной. – М. : Советская Россия, 1984. – 365 с.

References

1. Begichev D. N. Semeystvo Holmskih. Nekotorue chertu npravov I obraza gizni, semeynoy I odinokoy, rysskih dvoryan : v 6 ch. – M. : Tipografiya Nikolaya Stepanova, 1841. (in Russ.)
2. Bestugev-Marlinskiy A. A. Sochineniya : v 2 t. / sost., podgot. texta, vstup. st. i komment. V. I. Kuleshova. – M. : Hudogestvennaya literatura, 1981. (in Russ.)
3. Bulgarin F.V. Sochineniya / avt. vstup. st. i primech. N. N. Lvova. – M. : Sovremennik, 1990. – 704 s. (in Russ.)
4. Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy : v 14 t. / AN SSSR ; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). – M. – L. : Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. (in Russ.)
5. Gukovskiy G. A. Realizm Gogola. – M. – L. : GIHL, 1959. – 132 s. (in Russ.)
6. Zavyalova E. E. «Musornaya paradigma» v «Mortvuh dushah» N. V. Gogola // *ilologicheskie nauki*. – 2008. – № 5. – S. 16–25. (in Russ.)
7. Kozubovskaya G. P. «Oskolki» i «pepel» v poazii russkogo romantizma // *Utopiya chistotu i goru musora. Materialu simpoziuma slavistov*. Vup. 4. – Varshava : Sekciya Kulturu Instituta Slavistiki PAN, 1999. – S. 213–235. (in Russ.)
8. Lermontov M. Yu. Sochineniya : v 2 t. / M. Yu. Lermontov ; sost. i komment. I. S. Chistovoy. – T. 2. – M. : Pravda, 1990. – 702 s. (in Russ.)
9. Naregnuy V. T. Izbrannoe / sost., vstup. st. i primech. V. A. Grihina, V. F. Kal-mukova. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1983. – 448 s. (in Russ.)
10. Naregnuy V. T. Sochineniya : v 2 t. / vstup. st., podgot. texta i primech. Yu. V. Manna. – M. : Hudogestvennaya literatura, 1983. (in Russ.)
11. Odoyevskiy V. F. Povesti i rasskazu / vstup. st., sost. i primech. A. Nemzera. – M. : Hudogestvennaya literatura, 1988. – 382 s. (in Russ.)
12. P. M-skiy // *Severnaya pchela*. – 1835. – № 115 (25 maya). (in Russ.)
13. Pogodin M. P. Povesti. Drama / sost., vstup. st. i primech. M. N. Virolaynen. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1984. – 432 s. (in Russ.)
14. Pushkin A. S. Sobranie sochineniy : v 10 t. – M. : GIHL, 1959–1962. (in Russ.)
15. Russkaya fantasticheskaya povest apohi romantizma. Sb. proizvedeniy / sost., podgotovka texta j komment. M. N. Virolaynen i dr. – L. : Izdatelstvo Leningradskogo uni-versiteta, 1990. – 672 s. (in Russ.)
16. Russkie povesti XIX veka 20–30-h godov : v 2 t. – M. – L. : GIHL, 1950. – T. 2. – 575 s. (in Russ.)
17. Somov O. M. Buli i nebulici / sost., vstup. st. i primech. N. N. Petruninoy. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1984. – 365 s. (in Russ.)

В ПОИСКАХ СТИЛЯ

(КРИТИКИ О СТИЛЕВОЙ МАНЕРЕ Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ)

Мустафаева Марал, диссертант, Бакинский славянский университет, Респуб-лика Азербайджан, AZ-1014, г. Баку, ул. С. Рустама, 25, e-mail: kmika@mail.ru.

Статья посвящена творчеству известного русского писателя Л.С. Петрушевской. Рассматривается, как с первых шагов на литературном поприще, в произведениях, написанных в самых разных жанрово-стилевых формах, Петрушевская обнаруживает новый подход к отображению действительности. Именно это послужило причиной негативного отношения к творчеству Л. Петрушевской со стороны критики того времени. На основе анализа делается вывод о том, что Л. Петрушевская, наряду со многими другими писателями, внесла свой вклад в обновление литературы постсоветского времени.

Ключевые слова: Л. Петрушевская, стиль, жанр, истоки, творческая манера, эстетические принципы

IN SEARCH OF STYLE
(CRITIC ABOUT STYLE MANNER OF L.S. PETRUSHEVSKAYA)

Mustafayeva Maral, author, Baku Slavic university, Republic Azerbaijan, AZ-1014, Baku, S. Rustam St., 25, e-mail: kmika@mail.ru.

Article is devoted to creativity of the known Russian of the writer of L. Petrushevsky. It is considered how from the first steps in a literary field, in the works written in the most different genre and style forms, Petrushevsky finds new approach to reality display. It served as the reason of negative attitude to creativity of the writer from criticism of that time. On the basis of the analysis the conclusion that L. Petrushevskaya, along with many other writers, made the contribution to updating of literature of Post-Soviet time is drawn.

Keywords: L. Petrushevskaya, style, genre, sources, creative manner, esthetic principles

Л.С. Петрушевская занимает достойное место в современной русской литературе, представляющей собой довольно многообразную панораму стилевых течений. Когда-то отодвигаемая на «задворки», запрещаемая и замалчиваемая проза и драматургия этого талантливого писателя, в настоящее время признана не только на родине, но и за рубежом. Сегодня писательница и драматург Л.С. Петрушевская удостоена самых престижных премий. Она лауреат Пушкинской премии фонда Тепфера (1991), премий журналов «Новый мир» (1995), «Октябрь» (1993, 1996, 2000), «Знамя» (1996), премии «Москва – Пенне» (1996), «Звезда» (1999), премии «Триумф» (2002), Государственной премии России (2002) и многих других.

В произведениях Л. Петрушевской наблюдается своя, особая эстетика построения текста, своеобразная поэтика, помогающая наиболее адекватно выразить замысел произведения, у автора выработался неповторимый стиль, что говорит об истинном таланте и самобытности. Поэтическую стилистику Л. Петрушевской определяют чаще всего термином – «поэтика повседневности». И, на наш взгляд, это наиболее емкая формулировка, отражающая своеобразие ее творческого почерка. Как же складывалась неповторимая манера письма Л. Петрушевской, какие факторы способствовали формированию стиля драматурга и писателя? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к началу ее творческого пути, к первым попыткам найти свою стезю на литературном поприще.

Облегчает нашу задачу то, что Л.С. Петрушевская не раз говорила о своих первых шагах на писательском поприще, о том, как она когда-то, как и все начинающие писатели, стремилась найти свой путь в литературе: «Похоже, что я искала свой собственный путь, свой стиль. К этому шло дело... Но затем я услышала из уст нашего звукооператора Зины историю ее соседки, бывшей проститутки, которая в детстве подверглась изнасилованию отца, ушла из дому и попала в плохие руки. Эта история меня потрясла. Я написала рассказ "Такая девочка"».

Написала очень просто, без специальных длиннот, без образов. Это была не совсем история бывшей жертвы педофила, это был монолог женщины, муж которой ей изменил. Почему-то вышло так. Рассказ как будто сам себя написал. И стиля никакого не понадобилось, и правки. Это определило мою дальнейшую работу. Всегда с тех пор я писала предельно просто, безо всяких усилий сделать нечто интересное, образное, не такое. Вообще не было вопросов, трудностей, пауз – рассказы шли и шли чередой. Как если бы из меня диктовали».

Так объясняет Л.С. Петрушевская истоки своего творчества, поиски «собственного пути, своего стиля» в эссе, которое она написала взамен интервью с Кристиной Роткирх, финско-шведской журналисткой и переводчицей (известно, что Л.С. Петрушевская не очень любит давать интервью, считая, что все, о чем она может сказать, содержится в ее книгах – М. М.). Здесь она особо подчеркивает, что в стремлении стать писательницей перечитала всю советскую литературу, пытаясь найти образец для подражания среди писателей, а также в надежде найти своего героя среди множе-

ства идеальных героев этой литературы. Но именно это и сделало из нее, по признанию писательницы, «несгибаемого врага этой литературы и этого строя» [9, с. 74–75].

Эти слова многое объясняют. Творческое кредо писательницы, в основе мировосприятия и мировидения которой глубокий интерес к исследованию глубинных пластов внутреннего мира людей, окружающих ее, – желание поделиться увиденным с читателем, не пользуясь при этом никакой недоговоренностью, маскировкой, умалчиванием. Жизнь такая, какая она есть, со всеми ее темными, неприглядными, порой очень жесткими и жестокими сторонами, а также человек, совершенно ничем не примечательный, не выделяющийся, самый обыкновенный, среднестатистический – вот что лежит в основе художественной поэтики Л. Петрушевской, начиная с самых первых проб пера начинающей писательницы.

Л. С. Петрушевская начала писать еще в 1960-е годы, но первая публикация относится лишь к началу 1970-х гг., когда в журнале «Аврора» был напечатан рассказ «Через поля». Это была «тонкая психологическая зарисовка случайной встречи двух созданных друг для друга людей, которые и были-то счастливы, лишь когда шли вдвоем через поля – она к подружке, он – к невесте» [11, с. 328]. Рассказ прошел незамеченным критикой. После этого на протяжении почти десяти лет Л. Петрушевская не публикует прозаических произведений, отдавая предпочтение драматургии, так как ее рассказы, созданные в годы «застоя», безоговорочно отвергались официальной советской критикой. Сама Л. Петрушевская в своей знаменитой «Лекции о жанрах» также касается этого вопроса, пытаясь объяснить нежелание журналов печатать ее произведения в те далекие годы.

Вот что она об этом пишет: «Раньше, в годы глухого непечатания, мои рассказы лежали на столах в нескольких редакциях, вызывая иногда сотрудников на цитирование вслух в виде анекдота. На летучках, по рассказам очевидцев, встречали громким смехом мою фамилию. (В «Сельской молодежи», например, в «Юности», в «Студенческом меридиане», да и во многих еще. Я считалась как бы дурным примером. Внутренние рецензии иногда толковали о «патологии», иногда о том, что «она пишет, как не умеющий играть человек играет на рояле, наслаждаясь случайными сочетаниями звуков»). Хотя, работая над сценарием мультфильма «Шинель», я где-то наткнулась на слова типа того, что Гоголь преодолевал языковой барьер, пользуясь не обычной речью, какой говорят люди, а своим неумением говорить. Проза, как и любое искусство, предполагает переход на незнакомый людям язык, писал этот автор – Розанов, может быть? От себя добавлю: правильным ли языком писал Зощенко, Платонов и своим ли языком написаны суховатые «Повести Белкина» – или это актерская маска Пушкина в роли Белкина? В письмах он говорит не так! А косноязычный балда Козьма Прутков?» [10, с. 17].

С момента выхода в свет в 1988 г. первого сборника прозаических произведений Петрушевской ее проза систематически появляется в печати, книги выходят большими тиражами и пользуются несомненным успехом у читателей. О ней начинают писать критики, но чаще всего, делая ее мишенью для своих нападок. Так, Чупринин писал, что «Л. Петрушевская с беспощадной простотой оголяет убогую механику «бессмертной любви» в своих рассказах», а ее героев он определял как «люмпен-интеллигентов» [15, с. 4–5]. Е. Шкловский упрекает писательницу в отсутствии эстетики в ее произведениях: «Вот вам правда, а эстетику прочь... Тут не сор, тут – сюр! Реальность такова, а мы ее, серопепельную, все укутываем в разноцветные одежды. Да впрямь ли такова? Похоже, что так воспринимает реальность именно литературный взгляд ... тут взгляд сам порождает сор, душа сама из себя его выносит, свой испуг перед жизнью обращая в нескончаемый скандал» [16, с. 4].

Были рецензии и другого рода. Например, в противовес таким высказываниям М. Васильева подчеркивала особую гуманность в произведениях Петрушевской, она писала, что «мера жалости автора к своим героям обозначила новую эпоху гуманности» [1, с. 214]. Отмечала «нежную, запрятанную любовь» автора к своим героям и М. Строева. «Автор, кажется, просто стоит в стороне и наблюдает. Но объективность эта мнимая... тут ее боль» [14, с. 221].

Особую критику вызывали герои книг Петрушевской, например, один из критиков писал: «Главные герои ее повествований часто остаются за кадром авторского внимания, путая тем самым нити, которые связывают их с прозаической реальностью» [5, с. 14]. Примерно о том же говорит и З. Владимирова: «...частная жизнь героев Петрушевской не связана системой сообщающихся сосудов с теми процессами, которые шли долгие годы в стране. <...>...в ее глазах человек – довольно ничтожное создание, и с этим ничего не поделаешь» [2, с. 78].

Резко высказывается по поводу отношения писательницы к читателю и О. Славникова: «Петрушевская держит дистанцию между собой и тем, о чем повествует, и качество этой дистанции таково, что читатель ощущает себя подвергнутым научному опыту» [13, с. 62]. Протест критиков вызывает и та беспросветность жизни, которая показывается во многих произведениях Петрушевской, начиная с самых первых. «Анализировать написанное писательницей довольно трудно... прежде всего из мрачного однообразия той беспросветности, которая как будто доставляет удовольствие писательнице, очень похожей на одну из своих героинь (сугубо в литературном плане, конечно), которая болеет острой ненавистью к своему мужу...» [3, с. 161].

Серьезные разногласия возникали и при попытке анализа образов, создаваемых Л. Петрушевской. «В прозе Петрушевской психически здоровых людей, видимо, нет. Самое распространенное наследственное заболевание – шизофрения. Автор развивает тему обреченности человека на психические отклонения с момента развития. Через всю прозу проходит тема «больного семейства», в котором до предела изувеченные корни бессильны дать здоровое потомство» [8, с. 98]. «Болезнь – естественное состояние героев Петрушевской». Так считает и О. Лебедушкина, и по ее мнению, «...бытие проступает сквозь боль, кровь и грязь ... через повседневную уродливость» [6, с. 203].

Постепенно критика начинает не только отрицать право на существование такой прозы, которую создает Петрушевская, но и делает попытки понять своеобразие ее творческой манеры. Интересными в плане анализа специфики прозы Петрушевской представляются статьи Н. Ивановой [4], в которых она исследует феномен пошлости в современной прозе и предлагает свой, убедительно аргументированный взгляд на творчество Л. Петрушевской.

В своей работе другой критик В. Миловидов (Миловидов В. Проза Л. Петрушевской и проблема натурализма в современной русской прозе // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. Тверь, 1997. Вып. 3, с. 55-62) говорит о проблемах «другой» прозы, к которой относит и творчество Л. Петрушевской. Аргументированные выводы из анализа прозы писательницы делает Ю. Серго [12]. Критика начинает разбираться и в локальных проблемах, составляющих суть поэтики Петрушевской. Так, О. Васильева [1] посвящает свою статью анализу поэтики «мрака» в прозе Л. Петрушевской, А. Митрофанова [8], исследует «тему обреченности человека на психические отклонения с момента рождения» в новеллистике Л. Петрушевской и т.д.

Поэтика рассказов Л. С. Петрушевской о «маленьком человеке» никак не укладывалась в общее русло литературы доперестроечного периода. В ее первых рассказах отражались в основном теневые стороны жизни людей советской эпохи, и герои этих рассказов никак не укладывались в стереотипное понимание того, каким должен быть «герой советской литературы», а его жизнь – не была отражением благодной картины жизни человека социалистического общества, строителя коммунизма. Кроме того, переданные в очень своеобразной языковой манере, написанные на «языке улиц», эти рассказы не могли быть понятны тем, кто привык к определенным стандартам и стереотипам. Все это и предопределило негативное отношение критики к первым произведениям писательницы.

Лишь спустя многие годы, творчество Петрушевской начинает получать признание. Многие исследователи искали термины, которыми можно было бы объяснить, обозначить творчество Петрушевской, как и многих других писателей, вошедших в литературу со своим, совершенно новым взглядом на литературу. Говоря о

том, что панорама современной литературы представляет собой огромное пространство самых разных, подчас противоречивых тенденций, исследователи отмечали, что попытки войти в это пространство и схематизировать литературный процесс 90-х гг. с помощью привычных методик дают приблизительную, подчас искаженную картину. А это подводит к выводу не только о несовершенстве старых методик, так и о том, что литературный материал сопротивляется всяким попыткам уложить в «прокрустово ложе» групп, направлений, течений писательскую индивидуальность.

Со временем отношение к писательнице стало меняться. Многие исследователи стали признавать, что в многогранном творчестве Л. Петрушевской художественная проза занимает большое место и реализуется в самых разнообразных жанрово-стилевых формах, требующих к себе пристального внимания. Ведь на протяжении своего творчества она обращается ко всем традиционным прозаическим и драматургическим жанрам, но каждый раз преобразует их, привнося в каждый из них элемент новизны, своеобразия, непохожести. Ее сегодня называют «живым классиком русской литературы».

Время перестройки привнесло изменения, затрагивающие не только социальную, политическую, экономическую сферу жизни общества. Кардинальные изменения стали происходить и в литературе, в том числе и в жанрово-стилевой ее системе, где наблюдалось стремление к обновлению средств художественной выразительности. Людмила Петрушевская своими произведениями, написанными в самых разных прозаических и драматургических жанровых формах, наглядно продемонстрировала пути этого обновления и наметила свою, ни на кого не похожую стилевую манеру, тем самым способствовала обогащению русской литературы на новом этапе.

Список литературы

1. Васильева М. Так сложилось / М. Васильева // Дружба народов. – 1998. – № 4. – С. 214–216.
2. Владимиров З. «...И счастья в личной жизни!» / З. Владимиров // Театр. – 1990. – № 5. – С. 78.
3. Вуколов Л. И. Современная проза в выпускном классе: Кн. для учителя / Л. И. Вуколов. – М. : Просвещение, 2002. – С. 161.
4. Иванова И. Намеренные несчастливцы? (О прозе «новой волны») / И. Иванова // Дружба народов. – 1989. – № 7. – С. 239-240.
5. Канчуков Е. Двойная игра / Е. Канчуков // Лит. Россия. – 1989. – 20 января. – С. 14.
6. Лебедушкина О. Книга царств и возможностей Хвост ящерицы: Две попытки прочтения Людмилы Петрушевской / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 1998. – № 4. – С. 203.
7. Миловидов В. Проза Л. Петрушевской и проблема натурализма в современной русской прозе / В. Миловидов // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. – Тверь, 1997. – Вып. 3. – С. 55–62.
8. Митрофанова А. «Что сделал я с высокою судьбою...» (Художественная концепция прозы Л. Петрушевской) / А. Митрофанова // Вестник СПб ун-та. – Сер. 2. – 1997. – Вып. 2, № 9. – С. 97-100.
9. Петрушевская Л. Вместо интервью: Путь советского писателя (Вместо признания) / Л. Петрушевская // Одиннадцать бесед о современной русской прозе. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 74–75.
10. Петрушевская Л. Девятый том / Л. Петрушевская. – М. : Эксмо, 2003. – С. 17.
11. Русская литература XX века : в 2 т. – М., 2005. – Т. 2. – С. 328.
12. Серго Ю. Н. Поэтика прозы Л. Петрушевской (взаимодействия сюжета и жанра) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Серго. – Ижевск, 2001. – 23 с.
13. Славникова О. Петрушевская и пустота / О. Славникова // Вопросы литературы. – 2000. – Март – апрель. – С. 62.
14. Строева М. Мера откровенности: Опыт драматургии Людмилы Петрушевской / М. Строева // Современная драматургия. – 1986. – № 2. – С. 221.

15. Чупринин С. Другая проза / С. Чупринин // Литературная газета. – 1989. – 8 февраля. – С. 4–5.
16. Шкловский Е. Косая жизнь: Петрушевская против Петрушевской / Е. Шкловский // Литературная газета. – 1992. – 1 апреля. – С. 4.

References

1. Vasil'eva M. Tak slozhilos' // Druzhiba narodov. – 1998. – № 4. – S. 214-216.
2. Vladimirova Z. «...I schast'ja v lichnoj zhizni!» // Teatr. – 1990. – № 5. – S. 78.
3. Vukolov L. I. Sovremennaja proza v vypusknom klasse: Kn. dlja uchitel'ja. – M. : Prosveshhenie, 2002. – S. 161.
4. Ivanova I. Namerennye neschastlivcy? (O proze «novoj volny») // Druzhiba narodov. – 1989. – № 7. – S. 239–240.
5. Kanchukov E. Dvojnaja igra // Lit. Rossiya. – 1989. – 20 janvarja. – S. 14.
6. Lebedushkina O. Kniga carstv i vozmozhnostej Hvost jashhericy: Dve popytki prochnija Ljudmily Petrushevskoj // Druzhiba narodov. – 1998. – № 4. – S. 203.
7. Milovidov V. Proza L. Petrushevskoj i problema naturalizma v sovremennoj russkoj proze // Literaturnyj tekst: Problemy i metody issledovanija. – Tver', 1997. – Vyp. 3. – S. 55-62.
8. Mitrofanova A. «Chto sdelał ja s vysokoju sud'boju...» (Hudozhestvennaja koncepcija prozy L. Petrushevskoj) // Vestnik SPb un-ta. – Ser. 2. – 1997. – Vyp. 2, № 9. – S. 97-100.
9. Petrushevskaja L. Vmesto interv'ju: Put' sovetskogo pisatel'ja (Vmesto priznanija) // Odinnadcat' besed o sovremennoj russkoj proze. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – S. 74-75.
10. Petrushevskaja L. Devjatyj tom. – M.: Jeksmo, 2003. – S. 17.
11. Russkaja literatura HH veka : v 2 t. – M., 2005. – T. 2. – S. 328.
12. Sergo Ju. N. Pojetika prozy L. Petrushevskoj (vzaimodejstvija sjuzheta i zhanra : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Izhevsk, 2001. – 23 s.
13. Slavnikova O. Petrushevskaja i pustota // Voprosy literatury. – 2000. – Mart – april'. – S. 62.
14. Stroeva M. Mera otkrovennosti: Opyt dramaturgii Ljudmily Petrushevskoj // Sovremennaja dramaturgija. – 1986. – № 2. – S. 221.
15. Chuprinin S. Drugaja proza // Literaturnaja gazeta. – 1989. – 8 fevral'ja. – S. 4–5.
16. Shklovskij E. Kosaja zhizn': Petrushevskaja protiv Petrushevskoj // Literaturnaja gazeta. – 1992. – 1 april'ja. – S. 4.

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ МОТИВ МИРОВОГО ДРЕВА В СТИХОТВОРЕНИЯХ К. БАЛЬМОНТА

Татанова Дамет Максумовна, аспирант, Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга им. Ш.Е. Есенова, 130 000 Казахстан, г. Актау, 32 мкр., e-mail:tatanovadm@mail.ru.

Предметом исследования статьи являются стихотворные тексты поэта, написанные в первое десятилетие XX в., в которых отразилось восприятие Бальмонтом мотива мирового древа. Целью статьи является исследование развития данного мотива и определение его роли в поэзии Бальмонта. Цель исследования обусловила методологическую базу данной работы: историко-литературный, сравнительно-типологический, герменевтический. Мифопоэтический мотив Мирового древа стал одним из составляющих ведущего в творчестве К. Бальмонта мотива единения человека и вселенной. Лейтмотивный образ-символ Мирового древа, переходя из одного стихотворения в другое, из книги в книгу, показывает неразрывную связь произведений поэта и является средством объединения отдельных стихотворений и даже периодов творчества (сборников) К. Бальмонта в единый развивающийся поэтический текст. Результаты исследования могут быть использованы при разработке лекций по